

УДК 811.161.1

Ю.С. Хукаленко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ» В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ ПО БИОЛОГИИ

Данная статья – часть более обширного исследования, посвященного анализу специфики биологического научного текста. Объективность описания жизнедеятельности животных зависит, помимо прочего, от выбора автором языковых средств. Ограничения, которые накладывает на научное изложение естественный язык, связаны с антропоцентричностью самого языка. На основании анализа глаголов семантического поля *действие животного* в статье уточняется семантико-синтаксическая классификация глаголов, предложенная в Коммуникативной грамматике русского языка (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова): учитывается не только агенс-антропоним, но и агенс-зооним. Выделяются группы глаголов физического действия, социального интересубъектного действия, коммуникативного действия. На периферии акционального класса – ментальные глаголы, глаголы восприятия, глаголы поведения и физиологические глаголы (эти глаголы не обладают всеми признаками действия). Выявлена специфика каждой группы, а также различия в номинации действий при разных агенсах.

Ключевые слова: антропоцентризм, научный текст, зооним, действие, классификация глаголов.

Действие – одна из основополагающих философских категорий в науке о жизни. Многообразие форм проявления жизни, существование различных концепций и подходов к ее описанию рождает философские, методологические, лингвистические проблемы научного описания. Авторы в своих научных статьях используют не только термины, но и естественный язык, который по своей сущности глубоко антропоцентричен. В данной статье мы сконцентрируем свое внимание на группе акциональных глаголов семантического поля *действия животных*, так как именно акциональные глаголы являются изосемическим средством выражения действия в языке.

Методологической базой нашей работы служит объединение коммуникативно-грамматического, когнитивного и традиционного лексико-семантического подхода к языку. С лексико-семантической точки зрения нас интересуют глаголы семантического поля *действия животных*, с точки зрения коммуникативной грамматики – сочетаемость имени класса зооним с предикатами действия, с когнитивной точки зрения – языковое представление действий животного.

I. За основу анализа мы возьмем классификацию действий и глаголов, предложенную Г.А. Золотовой [8]. В примечании к этой классификации оговаривается, что действие совершает лицо или живое существо, но примеры в подавляющем большинстве случаев относятся к человеку. Вопрос же о статусе животного в аспекте действия поднимался в лингвистике неоднократно, однако отодвигался на второй план, либо выносился за скобки как требующий «отдельного обсуждения» [6. С. 98]. Рассмотрим каждую группу глаголов в отдельности.

1. Глаголы конкретного физического действия: такие, как *кусать, хватать, рыть, вертеть, царапать, съедать, бросаться, лизать* и мн. др. При их употреблении следует учитывать контекст, так как «категория может быть в разных употреблениях глагола разной» [13. С. 194]. Например, *рысь атаковала жертву и львы всегда атакуют сзади*. В первом случае глагол акциональный, во втором – статуальный.

Приведем примеры употребления глаголов, отображающих конкретные физические действия животных, с учетом контекста: *В экспериментах с использованием сенсорного экрана шимпанзе перемещали пальцем объект на мониторе* [32]; *Самка <...> наподобие кошки, поддела мертвое животное лапой* [22]; *Шимпанзе подгребали с помощью лопаточки кусочки лакомства и отправляли их в корзинку через отверстия в контейнере* [29]. Среди них, разумеется, не обнаруживаются глаголов, которыми обозначаются «чисто человеческие» действия, к примеру, *читать, писать, шить*.

Группа глаголов движения тесно связана с первой группой (конкретного физического действия), поскольку движения животных и составляют основу их активности: «в классической этологии под поведением животных подразумевалась динамическая, или двигательная, форма, прежде всего, движения определенной формы» [5. С. 113]. Более того, «именно движение выступает в качестве объекта для всего комплекса наук о поведении» [10. С. 1660]. Это могут быть как глаголы общего перемещения в пространстве – *передвигаться, перемещаться, отодвигаться*, так и более специали-

зированные, – *плыть, ползти, лететь, карабкаться*. Примеры с контекстном употреблением таких глаголов: *Самец не остается подолгу неподвижным, он систематически взлетал и сразу же возвращался на ту же, излюбленную им присаду* [28]; *Фиксировались результат и время, спустя которое моллюск заползал в один из рукавов Y-лабиринта и прекращал активные действия* [26].

2. Глаголы коммуникативного действия. По аналогии с глаголами речевого действия, выделенными Г.А. Золотовой [8], или с глаголами речемыслеительного действия, описанными М.В. Всеволодовой [4], для агенса зоонима выделяем группу глаголов коммуникативного действия.

Речь традиционно считалась исключительно человеческой особенностью, не свойственной никакому другому биологическому виду на планете. И.П. Павлов, например, рассматривал речь в качестве второй сигнальной системы и считал, что именно она отличает человека от животных. Такого же мнения до сих пор придерживается подавляющее большинство биологов, философов, психологов, лингвистов. Основные аргументы: язык животных не является врождённой системой знаков или орудием познания, не обусловлен географически, животные не могут общаться в режиме диалога, их вербальная коммуникация не обладает членораздельностью, свойственной человеческой речи, и т. д. Однако обучение обезьян человеческому языку и его аналогам на протяжении многих лет демонстрирует неожиданные результаты. Значительных успехов добились исследователи «языка» пчел, муравьев, многих млекопитающих. Сейчас уже всерьез говорят о языковом поведении животных, более того, о речи животных: «у исследователей закономерно возникало предположение, что даже владение речью – такая специфически человеческая черта – также может иметь у приматов какие-то зачатки, некий «прообраз» [9. С. 35]. Лингвистическое рассмотрение проблемы подробнее в [1; 14; 18]. Тем не менее, мы останемся на позициях традиционных представлений, признавая речь исключительно человеческой особенностью, а под «языком животных» будем подразумевать специфичную форму коммуникации, отличную от человеческой.

Глаголы коммуникативного действия близки к глаголам конкретного физического действия, однако их объединяет в отдельную группу одна особенность – названное физическое действие является коммуникативным сигналом. Приведем примеры: *Спустя несколько минут самка поскуливанием подозвала волчат к грызуну* [22]; *После этого «сторожи» привлекали с ближайшего сектора дороги пассивных фуражиров* [34].

Специфика данной группы глаголов заключается в том, что какой-то перечень лексем привести невозможно, так как каждый биологический вид обладает своим набором коммуникативных знаков. Кроме того, для этих знаков в человеческом языке зачастую нет означющего слова, поэтому исследователям приходится приводить описательную номинацию этих сигналов, например: *Взрослая птица подкапывала орех и стояла рядом, «указывая» клювом на пищу и дожидаясь, пока птенец ее выкопает и съест* [29].

3. Глаголы социального intersубъектного действия. Понятие социального действия введено в научный обиход М. Вебером, который определял его как «действие, сознательно ориентированное индивидом на ожидания других людей и тем самым уже соотношенное с их настоящим, прошлым и будущим поведением», то есть социальным является не любое действие человека, а «лишь такое, которое предполагает существование других людей» [12. С. 609].

Несмотря на антропоцентричность этого понятия, биологи тоже говорят о социальных отношениях у животных. Фундаментальный принцип борьбы за существование предполагает «intersубъектные отношения». В этологии, зоопсихологии и генетике поведения приняты такие термины и сочетания, как *социальное поведение, социальные группировки, социальная структура* и др.: *Здесь самцы выходят из сферы социальных взаимоотношений, которые разворачиваются у самой поверхности воды* [14]. Антропоцентризм в отдельных случаях может переходить даже в антропоморфизм: «Выявление собственно социальных отношений между животными и в то же время прямые аналогии человеческого общества с сообществами представителей животного мира <...> характерны для современной социобиологии» [15. С. 42].

Описание социальных отношений между животными нуждается в использовании глаголов социального действия, а эти глаголы сами по себе антропоцентричны. Примеры: *Складывается впечатление, что, фактически, самцы конкурируют именно за обладание такого рода присадами, а не за участок как таковой* [14]; *Муравьи стимулируют тлей к выделению капли, выпрашивая у них падь* [29]; *Самец держался стационарно вместе с другими самцами и постоянно конфликтовал с ними* [14].

Анализ подобных контекстов показывает, что функционирование большинства глаголов, называющих социальные отношения животных, сводятся к описанию двух ситуаций: борьбы за существование (*конкурировать, конфликтовать, вмешиваться, покидать, третировать, сражаться*) и симбиоза (*стимулировать, подстраиваться, позволять, провожать*).

Посессивные отношения в мире животных проявляются только в тех ситуациях, когда происходит посягательство на «собственность» животного. Важно, что действие осуществляется, как правило, не донативное (в классификации человеческих действий), а обратное ему: <Мать> *забирала у него <детеныша> молот, чистила его и помещала орех на наковальне* [29]; *Шимпанзе не рискуют оставлять свое орудие, которое могут в этом случае утащить другие* [29]. Данные глаголы отнесем к группе глаголов социальных intersubъективных действий. Очевидно, по отношению к зоонимам не будут употребляться такие глаголы как *покупать, продавать*, и др., характеризующие устройство исключительно человеческого общества.

II. Этими тремя типами акциональные глаголы не ограничиваются, однако остальные глаголы выходят на периферию акционального класса. Ближе всего (как в онтологическом, так и в лингвистическом аспекте) к глаголам действия – глаголы деятельности. С лингвистической точки зрения, глаголы действия и деятельности различаются по параметру временной локализованности. На этом признаке остановимся подробнее.

Дифференцирующим признаком глаголов действия, с точки зрения коммуникативной грамматики, являются параметры потенциальной наблюдаемости и конкретно-временной локализации. Т.В. Булыгина отмечает, что признак временной локализованности является основополагающим при делении «положения вещей» на качества и явления. Последние, в свою очередь, по признаку динамичности делятся на действия и статические явления [3. С. 110]. Для Т.В. Булыгиной деятельность – это разновидность действий с признаком длительности: «все контролируемые явления называются «действиями», все контролируемые процессы – «деятельностью» [3. С. 57].

Такое разграничение соответствует принятому в философии, социологии и психологии, где *действию* определяется как «структурная единица деятельности» [12. С. 607]. Однако эти трактовки, как и лингвистическая, – антропоцентричны. Применительно же к животным эти два понятия – стоят друг от друга гораздо дальше. Деятельность – это «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [12. С. 633]. Поэтому действие животного можно рассматривать лишь структурной единицей его поведения. Считаем это правомерным, исходя из определения поведения, которое «представляет собой целенаправленную систему последовательно выполняемых *действий*, осуществляющих практический контакт организма с окружающими условиями, <...> подготавливающих удовлетворение *потребностей* организма, обеспечивающих достижение определенных целей» [11. С. 388].

Таким образом, человеку свойственны как деятельность, так и поведение, а животному – только поведение.

4. Глаголы, называющие способ поведения. Это глаголы физического действия, включающие в семантику параметр длительности (либо не включающие параметр временной локализованности). Активность, называемую глаголом поведения, можно умозрительно разделить на единичные действия, причем биологи считают, что «поведение вида расчленяется на множество элементарных актов» [7. С. 27]. Пример: *Волк атаковал разные части тела <жертвы>* [22]. Это значит что волк выследил, догнал, прыгал, кусал и т.д. Все эти отдельные акты и составляют специфическую активность, получившую номинацию *атаковать*. Физические действия, образующие поведение, могут быть эксплицированы, например: *Наблюдались случаи, когда взрослые крысы не подпускали крысят к опасным предметам, закрывая своим телом выход из норы или энергично отталкивая молодую крысу от опасной ловушки* [29]. Здесь *не подпускать* – это поведение в целом, а *закрывать* и *отталкивать* – конкретные физические действия.

Приведем другие примеры глаголов поведения: *Волки демонстрировали хищническое поведение* [22]; *Крысы эффективно искали приманку только со стороны тех мест, где она была ранее* [24]. *Синицы подражают чечеткам в расклеивании березовых сережек* [29]; *Детеныши пятнистых гиен-доминантов играют* больше, чем щенки гиен с более низким статусом [20].

У некоторых глаголов поведения существуют различия в семантике в зависимости от агенса – антропонима или зоонима. При употреблении глагола поведения животного по отношению к человеку глагол приобретает отрицательную коннотацию. Рассмотрим, например, лексемы *хищничать* и *вредить*.

Вот толкование глагола *хищничать*: 1. Проявлять повадки хищника (1 зн.). *Кот хоть и сыт, а хищничает. В этих местах хищничают акулы.* 2. Вести себя как хищник (2 зн.). *Хищничают в лесах. Не работают, а только хищничают.* [2]. Именно в прямом значении употребляется глагол с зоонимами: *Муравьи нередко хищничают на лисинах, не образующих галлы* [23]. В сочетании же с антропонимом глагол приобретает отрицательную коннотацию (работать vs. хищничать).

Аналогичная ситуация с глаголом *вредить*, однако нейтральное толкование (зоонимическое) не отражено в словарях (одинаковое толкование у С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова, Т.Ф. Ефремовой): *Наносить, причинять вред кому-либо или чему-либо.* Все примеры даются с негативной коннотацией: *Сорняки вредят посевам. Курение вредит здоровью.* Примечательно, что определение животного-вредителя в биологии также дается с антропоцентрической точки зрения: «Животное, насекомое, причиняющее вред в сельском и лесном хозяйстве» [16. С. 87].

При этом глагол *вредить* может быть употреблен и нейтрально: *Именно в эту группу входит большая часть тлей, вредящих в лесу* [29]. Действительно, тли относятся к группе животных-вредителей: они высасывают сок растений и таким образом угнетают их развитие. Однако это особенность биологического вида, следовательно, вредить – это нейтральная номинация их поведения и жизнедеятельности.

Встречаются и более сложные случаи. Толкование глагола *пожирать* по отношению к человеку во всех словарях дается с пометкой «груб.» или «прост.». Если речь идет о животном, то глагол нейтральный, и его значение соответствует значению глаголов *есть* и *питаться*. Два последних глагола также употребляются с зоонимами: *Нематода питается постоянно на одном участке* [33]; *Охлажденные особи [амфибии] в течение более 6 недель были неактивными и ничего не ели* [25]. А глагол *пожирать* употребляется только в тех случаях, когда речь идет о каком-либо ущербе кому-либо или чему-либо: *Приходилось наблюдать, как Lasius alienus проникают в стебель татарника и пожирают живущих в рыхлой сердцевине личинок и куколок* [21]. Возможно, такая дифференциация связана с тем, что негативная коннотация глагола при антропониме переносится на зооним.

В группе глаголов поведения можно выделить отдельный класс, отличие которого заключается в ярко выраженной антропной семе. Имеем в виду компонент целеполагания, обозначенный глаголами, называющими виды человеческой деятельности: *Родители и остальные взрослые члены семьи целенаправленно обучают детенышей хищничеству* [22]; *Ситуации, в которых новаторы внедряют новый опыт путем учительства, чрезвычайно интересны в плане познания пределов когнитивных способностей животных* [29].

Глаголы человеческой деятельности могут использоваться в метафорической функции: Чаще всего [социальное обучение] встречается у хищников, которые **шлифуют** охотничьи навыки своих потомков [22]. Муравьи постоянно стремятся **монополизировать** колонии тлей [29]. Монополизировать – метафорическая номинация, заимствованная из сферы экономики, обозначающая экономические отношения в человеческом обществе и содержащая ярко выраженное значение целенаправленности действия. Глагол может употребляться и не метафорически, в терминологической функции: Детеныш <евразийской рыси> **монополизирует** сосок для кормления. В данной работе мы используем термин «монополизация», под которым понимаем соотношение частоты кормлений котенка на предпочитаемом соске к частоте кормлений всех котят на этом соске [20]. Несмотря на ярко выраженную антропоцентричность таких глаголов, их употребление при зоонимах является либо метафоричным, либо терминологичным. В некоторых случаях заметны следы языковой рефлексии и осторожность автора в выборе номинации. Поэтому отдельную группу глаголов деятельности мы не выделяем.

5. Ментальные глаголы или глаголы ментального действия. Наличие элементарного мышления признается не только у антропоидов, но и других классов позвоночных – многих млекопитающих, птиц и даже рептилий. На протяжении всего XX в. «представления о существовании у животных зачатков разума постоянно обсуждались и пересматривались, постепенно эволюционируя от полного (или почти полного) отрицания до той или иной степени признания. К настоящему времени «голоса скептиков звучат, но все слабее» [9. С. 96], а интеллект животных стал объектом изучения отдельных наук. Поэтому мы считаем допустимым дать данной группе глаголов название *ментальных*.

Специфика этих глаголов связана с явлением «ментального конструирования». Это «такой способ познания, при котором ученый пытается поместить себя в сознание изучаемого животного, а при вербальном оформлении происходит наложение двух субъектных сфер» [17. С. 359]. Зачастую автор вынужден антропоцентрическим языком описывать неантропоцентричную реальность, другой уро-

вень психики, другую ментальность, поэтому глагол приходится брать в кавычки или сопровождать номинацию вводными поясняющими словами: *Шимпанзе успешно «предугадали» будущее расположение мишени* [32]; *Судя по всему, волчата в этом возрасте, троя потенциальную жертву, связывают ее с объектом питания* [22]; *Как показали проведенные исследования, крысы, врановые птицы и обезьяны не улавливают точного правила перемещения приманки* [32].

Полное совпадение субъектных сфер (животного и исследующего его человека) в научном биологическом тексте невозможно. Поэтому часто названия ментальных операций животных берутся в кавычки («постигали», «предугадали») либо сопровождаются комментариями исследователя: *судя по всему, возможно, по всей видимости* и др. Отсюда, думается, не существуют и грамматические конструкции безличных предложений со значением состояния, если субъект – животное. Конструкции, наподобие *Льву не спалось, Волчатам не игралось* требуют совпадения точек зрения субъекта речи и субъекта действия: употребление дательного падежа нацелено на передачу внутреннего состояния субъекта действия.

Антропоцентричность глаголов связана не только с антропоцентричностью самого языка. Изучая поведение животных, исследователь как бы набрасывает на объект своего изучения человеческую систему координат, научную сетку, через которую он познает и описывает мир животных. Например, в опытах, проводимых с целью установления пределов когнитивных способностей животных, последним приписываются определенные роли в эксперименте («наблюдатели», «демонстраторы», «новаторы»), а глаголы типа *выбрать* (*сделать выбор, осуществить выбор*), *ошибаться* (*допустить ошибку*), *задача* (*справиться / не справиться с задачей*) становятся терминологичными. Ментальные операции животных в этологических опытах находятся под определенным контролем человека, цели перед животным ставит тоже человек: *Наибольшее количество ошибок делали грачи* [32]; *Врановые птицы и обезьяны справлялись и с другим типом сложных задач* [32].

6. Глаголы восприятия. В некоторых случаях трудно разграничить, какой глагол называет еще восприятие, а какой – уже элементарное мышление. Сфера функционирования человеческой психики многогранна и разнообразна, у животных она уже и элементарнее.

Номинация восприятия животного в биологическом тексте может быть двух видов. Первый – прямое название перцепции животного: *нюхать, смотреть, слушать, пробовать* и др.: *В ответ на движение жертвы волчата вновь стали ее обнюхивать* [22]. Такие глаголы очень близки к глаголам физического действия. Второй тип – это восприятие животного, интерпретируемое исследователем только по внешним признакам: *Предполагается, что голуби, попадая в условия невесомости, ощущают, что они падают вперед* [30]; *Эти сигналы рыба интерпретирует как сигналы о сносе ее потоком жидкости, который к тому же постоянно «меняет» свои направления и скорость* [27]. Эти глаголы по семантике близки к ментальным глаголам.

Глаголов эмоционального действия в научных статьях по биологии нами обнаружено не было. Во-первых, материал, посвященный эмоциям животных, публикуется, как правило, в психологических журналах, а во-вторых, если интеллект животных общепризнан, то об их эмоциях ученые говорят с осторожностью.

7. Физиологические глаголы. Физиологические глаголы – это глаголы действия, лишённые параметра контроля: «many biological bodily events, like our heart beating, are in normal circumstances beyond our control, and they are not actions» [19. P. 279]. Этой группой глаголов обозначено не так много различий между действиями человека и животных. Человек как биологический вид относится к царству животных, а поэтому на уровне физиологии различия будут продиктованы исключительно биологическими особенностями того или иного вида. Приведем примеры: *Попадая в невесомость, рыбы начинают кувыркаться, вращаться, двигаться по спирали* [30]; *Представители первой группы производят падь в небольшом количестве* [29].

Выводы.

1. Классификация действий животных не такая дробная, как аналогичная ей у человека. Глаголы движения входят в группу глаголов физического действия, а глаголы донативного действия – в группу глаголов социального действия (два типа ситуаций). В классификации акциональных глаголов с агенсом-зоонимом отсутствуют следующие группы: глаголы эмоционального действия и глаголы деятельности или занятия. Глаголам речевого действия соответствуют глаголы коммуникативного действия. Представим различие классификаций акциональных глаголов с разными агенсами в виде таблицы:

Агенса-антропоним	Агенса-зооним
Ядро	
Глаголы конкретного, физического действия	Глаголы конкретного, физического действия (включая глаголы перемещения, движения)
Глаголы перемещения, движения	
Глаголы речевого действия	Глаголы коммуникативного действия
Глаголы донативного действия, изменяющие possessивные отношения	Глаголы социальных intersubъективных действий (включая глаголы донативного действия, изменяющие possessивные отношения)
Глаголы социальных intersubъективных действий	
Периферия	
Ментальные глаголы	Ментальные глаголы
Глаголы восприятия	Глаголы восприятия
Глаголы эмоционального действия	–
Глаголы физиологического действия	Глаголы физиологического действия
Глаголы деятельности или занятия	–
Глаголы поведения	Глаголы поведения

2. В научном биологическом тексте с зоонимами не употребляются глаголы, которые можно назвать «чисто антропоцентрическими» (*шить, покупать, сказать*). В то же самое время «зоонимические глаголы» (*рычать, взлетать, скулить*) могут быть употреблены по отношению к человеку как в прямом, так и в переносном смысле.

3. Перенос человеческих понятий и представлений в сферу исследования мира животных (как на уровне научных концепций, так и при описании конкретного объекта) осуществляется во многом посредством использования естественного языка. Антропоцентрический характер языка создает лингвистические неудобства ученым, описывающим активность животных. Большое количество глаголов содержит те антропоморфные семы, которые мешают объективности научного изложения. «Человеческая сема» нивелируется только в случаях терминологизации глагола, что происходит достаточно редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырева И.И. К вопросу о языке животных // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. ст. М., 2005.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов: СПб., 1998.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
4. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
5. Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины. СПб, 2001.
6. Григорьян Е.Л. Действие и деятель // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
7. Дольник В.Р. // Русский орнитологический журнал. 2004. № 249.
8. Золотова Г.А., Осипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
9. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали говорящие обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006.
10. Кременцов Н.Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // Русский орнитологический журнал. 2009. № 514.
11. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб., 2004.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010.
13. Падучева Е.В. Таксономическая категория как параметр лексического значения // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6.
14. Панов Е.Н. Парадокс непрерывности: Языковой рубикон: о непреодолимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека. М., 2012.
15. Парфенов А.И. Социальные отношения животных в свете социобиологии // Изв. Саратов. Ун-та. 2009. № 3.
16. Реймерс Н.Ф. Краткий словарь биологических терминов. М., 1995.
17. Хукаленко Ю.С. С точки зрения осьминога: лингвистические средства смещения фокуса эмпатии в сторону животного в статьях по этологии // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы. М., 2014.
18. Fitch, W. T. The Evolution of Language. Cambridge, 2010.
19. Teun A. van Dijk. Action, Action Description, On Narrative and Narratives // New Literary History 1975. Vol. 6, N. 2.

ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

20. Антоневиц А.Л., Чагаева А.А., Найденко С.В. Внутривыводковая асимметрия социальных отношений в раннем постнатальном онтогенезе евразийской рыси (*Lynx Lynx*) // Зоологический журнал. 2013. № 2.
21. Бабенко А.Б. К фауне многохвосток (*Hexapoda, Collembola*) острова Врангеля // Зоологический журнал. 2010. № 7.
22. Бадридзе Я.К. Формирование охотничьего поведения волка // Зоологический журнал. 2010. № 7.
23. Воловник С.В. Долгоносики *Lixinae* (*Coleoptera, Curculionidae*) как галлообразователи // Зоологический журнал. 2010. № 7.
24. Вольнова А.Б., Курзина Н.П. Формирование латерализации манипуляторного пищедобывательного поведения в раннем онтогенезе белых крыс // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6.
25. Гостюхина О.Л., Солдатов А.А., Головина И.В., Бородина А.В. Содержание каротиноидов и состояние антиоксидантного ферментативного комплекса тканей у двустворчатого моллюска *Andara Inaequivalvis Br* // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6.
26. Дгебуадзе П.Ю., Кантор Ю.И. Видовой состав и специфичность брюхоногих моллюсков (*Eulimidae*) симбионтов морских лилий Южного Вьетнама // Зоологический журнал. 2010. № 7.
27. Коновалова С.А., Савина М.В., Никифоров А.А., Пучкова Л.В. Митохондриальный и лизосомальный пути гибели гепатоцитов миноги (*Lampetra fluviatilis L*) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6.
28. Константинов В.М., Маловичко Л.В. Стратегии поведения брачных партнеров и их значение для успеха размножения у золотистой шурки *Megops Ariaster* // Русский орнитологический журнал. 1998. № 54.
29. Леонтьев Д.В., Акулов А.Ю. Экоморфема органического мира: опыт построения // Журнал общей биологии. 2004. № 6.
30. Лычаков Д.В. Болезнь движения у низших позвоночных: исследования в условиях невесомости и в наземных условиях // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6.
31. Панов Е.Н., Опаев А.С. Поведение самцов в репродуктивных поселениях красотки блестящей (*Calopteryx splendens*, *Insecta, Odonata*) // Зоологический журнал. 2013. № 1.
32. Плескачева М.Г., Зорина З.А. Решение теста Ревеша-Крушинского животными разных систематических групп // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6.
33. Прокофьев В.В., Галактионов К.В. Стратегии поискового поведения циркарий трематод // Труды Зоологического института РАН. 2009. № 3.
34. Резникова Ж.И. Различные формы обучения у муравьев // Успехи современной биологии. 2010. № 2.

Поступила в редакцию 16.06.15

Yu.S. Khukalenko

LINGUISTIC ANALYSIS OF ACTIONAL VERBS OF THE SEMANTIC FIELD «ANIMALS ACTIONS» IN SCIENTIFIC BIOLOGICAL TEXTS

This paper is a part of a wider research on the analysis of scientific biological text. Objectivity of a scientific description of animal's activity depends on language means chosen by its author. Anthropocentrism of the language imposes some restrictions on scientific description. Linguistic analysis of the semantic field *animal's action* refines on the semantic-syntactic verb classification which was developed in Communicative Grammar of the Russian Language (G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.Yu. Sidorova). Not only an agent anthroponym, but also an agent zoonym should be taken into account. The following verb groups are distinguished: the verbs of a physical action, a social inter-subject action, and a communicative action. There are mental verbs, perception verbs and physiological verbs at the periphery of an actional verb class (these verbs don't possess all of the features of an action). Specifics of each group and also the differences in action nomination have been explored.

Keywords: anthropocentrism, scientific text, zoonym, action, verb classification.

Хукаленко Юлия Сергеевна, аспирант
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова, филологический факультет
 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1,
 стр. 51
 E-mail: khukalenko.vl@gmail.com

Khukalenko Yu.S., postgraduate student
 Moscow State University, Faculty of Philology
 GSP-1, Leninskie Gory, 1/51, Moscow, Russia, 119991
 E-mail: khukalenko.vl@gmail.com